

Справившись с домашними делами, принялся за государственные. Три дня бегал как угорелый, с жетоном, данным Государем, договаривался с командующим Императорской гвардии Су. Попросил его тайно вывести войска из города и незаметно разместить за засадой, приготовленной Шэн Дайчужанем. Командующий Су оказался дельным человеком: выслушал и той же ночью вывел большую часть гвардейцев по боковым тропам, оставив в городе лишь горстку, переодетую в простолюдинов.

Всё было готово, оставалось ждать, когда этот воображающий себя волком заяц Шэн Дайчуань сам попадёт в силки. На рассвете десятого дня я в одиночестве сидел во дворе резиденции генерала, прикладываясь к кувшину вина «Хунцзюй» для храбрости. Окинув взглядом необычно тихий двор, с нахлынувшего хмельного угара вдруг ощутил какую-то пустоту и даже безысходную решимость.

Шэн Дайчуань, Шэн Дайчуань... Молюсь лишь об одном — чтобы у тебя не оказалось скрытого козыря, о котором ты умолчал. Иначе мне тоже не смыть с себя вину за утайку, хоть в Хуанхэ прыгай.

Выпив, отправился к Шэн Дайчужаню договариваться о времени. По пути наткнулся на Ши Ичжи. Из-за истории с госпожой Хэ отец запер его дома на покаяние, и лишь теперь тому удалось вырваться на волю. Не позавтракав, он помчался ко мне с допросом:

— Говорят, Лань беременна? — спросил он, хмурясь и смотря на меня так, будто я развратник, соблаздивший невинную девушку.

Я закатил глаза к небу:

— Фальшивка. Твою сестру достали приставания моей матери, вот она и придумала: сначала забеременеть, потом сделать вид, что выкидыш, и сослаться на подорванное здоровье — чтобы раз и навсегда отстали.

Ши Ичжи кивнул, и морщины на лбу разгладились. Потом спросил:

— Я только что был у тебя дома, видел только дядюшку Линя. А где твои родители?

Подумав, я наполовину соврал:

— Ши Лань упростила их пожить в храме. Недели через полторы-две вернутся.

Едва я договорил, как Ши Ичжи снова нахмурился:

— У тебя в последнее время что-то стряслось? Если что, скажи. Мы же свои люди, к чему секретничать?

Вот это настоящий брат, выросший вместе! Его слова тронули меня до глубины души. Я хлопнул его по плечу, долго подбирал слова, но в итоге выдохнул лишь:

— Ничего особенного. — Потом добавил:

— Ичжи, завтра на утреннем совете попроси у отца отпуск.

Ши Ичжи хотел что-то сказать, но я резко прервал его:

— У меня срочные дела, как-нибудь в другой раз. Брат, не сердись, что я скрытничаю, но если не скрою от тебя этот спектакль с мнимым мятежом, Государю не оправдаюсь.

Я пошёл дальше, а Ши Ичжи не отставал:

— Погоди, я ещё...

Я обернулся и со всей серьёзностью сказал:

— О чём бы то ни было — завтра вечером. Сейчас у меня действительно неотложное.

Ши Ичжи замер на месте, его тёмные глаза бегали туда-сюда:

— А где Бай Лю и Сяобао?

Я подумал, он о важном спрашивает, а оказалось — об этом. Расслабился и отмахнулся:

— Наверное, Ши Лань с собой в храм взяла. А тебе-то что?

Ши Ичжи долго молчал, только постукивал сложенным веером по ладони, отчего у меня на душе стало тревожно и тоскливо. Отстучав с десятков раз, он наконец разжал губы, но ответил невпопад:

— Ладно, завтра на совете попрошу у отца отпуск.

С огромным трудом отвязавшись от этого оборотистого лиса, я собрался с духом и отправился к Шэн Дайчужаню. Тот, послушавшись моего совета, милостиво перенёс место встречи из публичного дома в чайную. В летний зной мы с ним целый день просидели над блюдечком арахиса, распивая хризантемовый чай и заваривая его четыре раза подряд.

Время решили назначить на завтрашний утренний совет. Я уже поднялся, чтобы уйти — думал, успею ещё к Государю забежать, — как Шэн Дайчуань отхлебнул почти бесцветного чая и окатил меня ледяной водой.

Шэн Дайчуань сказал:

— Брат Сяхоу, дело дошло до этой точки, пора говорить начистоту. Честно говоря, я не знаю, искренне ли ты согласился со мной сотрудничать или это притворство, и не вёл ли ты за моей спиной своих игр. Если нет — отлично. Если вёл... даю тебе ночь. Успеешь убрать все свои штучки.

Я запнулся на пороге, обернулся и, покрываясь холодным потом, криво усмехнулся:

— Что за речи? Не веришь мне?

Шэн Дайчуань поставил чашку на стол и с видом старшего товарища произнёс:

— Нет-нет, не в том дело, что я тебе не верю. Просто бдительность никогда не помешает.

— Кстати, ты ведь всё сожалеешь о той миске пшённой каши, что не смог передать. Я уже послал Бай Лю отнести её от твоего имени и велел ему подмешать туда кое-каких... добавок. Но не волнуйся, противоядие у меня припасено. Если всё пройдёт гладко, твоя возлюбленная и волоска не потеряет.

Моя улыбка стала горькой. Придя в себя, я пробормотал заплетающимся языком:

— Так значит... Бай Лю и был твоим шпионом...

Шэн Дайчуань медленно расплылся в ухмылке и добавил то, от чего меня чуть не вывернуло:

— Даже мальчиков для утех выбираем одних и тех же. Не иначе, судьба, а?

К чёрту такую судьбу! Да я и не притрагивался к Бай Лю...

Выходит, Бай Лю был человеком Шэн Дайчуаня, вот тот и знал все мои слабости. Все эти дни я остерегался Тун Сяобао, днём и ночью настороже, а оказалось — зря тратил силы, полный простофиля.

Что ещё говорил Шэн Дайчуань, я не расслышал. Вылетая из чайной, я толкнул хозяина, даже не извинившись. От чайной до резиденции Се — всего триста шагов, но я нёсся так, будто шёл на прорыв вражеских рядов. Прохожие шарахались в стороны, и даже стража у ворот не посмела меня задержать, позволив ворваться напрямик в покои Се Цзина.

Ворвавшись, я увидел, что Се Цзин как раз допивает кашу, а рядом стоит Бай Лю. Се Цзин неспешно отправил в рот последнюю ложку, поднял голову и с мягкой улыбкой сказал:

— Благодарю. — Ни зёрнышка не осталось.

Словно глотнул ледяной воды в лютый мороз — сердце тут же обледенело.

Се Цзин съел кашу с ядом, а Бай Лю, не ожидавший моего прихода в такой час, дрожал как осиновый лист.

Сзади подбежали несколько слуг, согнувшись и задыхаясь:

— Ге-генерал... — Я проигнорировал их, мой горящий взгляд был прикован к Бай Лю:

— Какой яд?

Бай Лю опустил голову, глаза покраснели, словно у кролика:

— Бай Лю не понимает, о чём спрашивает генерал...

Я сделал глубокий вдох, схватил Бай Лю и приподнял:

— Какой яд?

Бай Лю посмотрел на Се Цзина, потом на меня, и слёзы хлынули потоком:

— Я... я не...

Иди ты! Неужели так сложно сказать правду? Я взбесился, трясая Бай Лю изо всех сил:

— Какой яд?! Будешь тянуть — сейчас же здесь умрёшь!

Бай Лю замолк, а потом, дрожа, вытащил из-за пазухи маленький свёрток и, всхлипывая, выдавил:

— Это... это порошок змеиной лозы... Я... я не подсыпал... сп-спрятал. — Услышав «порошок змеиной лозы», я успокоился наполовину. Хорошо ещё, не какая-нибудь экзотическая отравка. Я тяжело выдохнул, а когда Бай Лю договорил, успокоился и полностью.

— Я... я не смел послушаться того... но генерал был ко мне добр... и я не хотел вредить тому, кого генерал действительно любит...

Последние слова он проговорил так тихо, что их расслышал только я. Эти слова сильно меня встряхнули. Я остолбенел, переваривая услышанное: сначала шок, потом безудержная радость. Наконец я разжал руку, почтительно усадил Бай Лю на табурет и сложил руки в почтительном поклоне. Расплывшись в искренней улыбке, я сказал:

— Благодетель! Отныне ты мой благодетель. Хочешь чего — только скажи. Кроме моей жизни — всё исполню.

<http://bllate.org/book/15934/1423902>